

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0007.01.01

Калоша Любовь Антоновна

16 августа 2011г.

Таре # 1

- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.
- Калоша Любовь Антоновна.
- Какого года рождения Вы?
- 36-го.
- Где Вы родились?
- Родилась в деревне Колдычево.
- Какое-то время тому назад к Вам приходили наши коллеги, они спрашивали Вас, и Вы рассказывали о том, что видели во время Второй Мировой войны.
- Ну, это было в 44-м году. Я помню этот случай. У нас в доме заболели свиньи. Два поросенки были. Папа пошел в этот, он не назывался лагерь смерти тада, СД называлась.
- СД?
- Да. Он пошел этих начальников попросил, чтобы они выделили ему, отпустили ветерана.
- Ветеринара?
- Да. А ветеран был еврей. Они, которые хорошо: врачи, ветераны, они их оставляли, сразу не убивали. Так он попросил, чтобы они отпустили его, чтобы полечил свиней. Вот этот ветеран пришел, полечил свиней, и папа угостить его захотел. Поставил ему, где-то ж купил самогонки бутылочку, прыкуски деревенской сякой-такой,

начали они выпивать, и потом вдруг приходит комендант лагеря, а он жил от тут по-соседску, у нас, на квартире, жена и ребенок у него был, девочка.

- А Вы помните, как звали коменданта лагеря?
- Коменданта? Помню, звали его Александр Вороник.
- Александр Вороник?
- Вороник. Да.
- Он был отсюда?
- Нет, он был из Трацевич. Не отсюда был.
- Это такое село или деревня?
- Да, это деревня такая называется. Вот, где-то с Трацевич он был. Только он свою семью перевез сюда на квартиру, потому что он боялся, чтобы партизаны не забрали его семью. И приходит он, и папа его тоже угощает: «Садись за стол». Сел он за стол. Распили они эту бутылку, по-хорошему говорили, всё, а потом этот еврей, я не знаю, как его называли, знаю, что еврей, достае из малого карманчика деньги и дае, чтобы папа сходил принес бутылку еще выпить. А этот Вороник як убачыу, як схапиу этого еврея, потягнул на двор, а там стояла возле сарая лопата. И он схапиу эту лопату, и начал его бить. Но, правда, к счастью, эта лопата свалилася, которая была, и он черенком гэтым так его бил, до того бил, что перебил черенок. Это вообще страшно. Но уже потом нас сказали: «Идите у хату, через окно смотреть». И потом уже он загнал его в лагерь, он же был комендант лагеря этого СД, загнау туда и уже больше его не выпускали лечить, уже не разрешали. Вот такое было.
- Он объяснил, этот комендант, почему он его бил?
- А он объяснил то, что, когда они ходили лечить, они разрешали им уже свободно ходить по деревне, каб ён этия деньги сдавау им, а

себе, чтобы они не прятали. Вот за этим он объяснял: «Зачем ты спрятал эти деньги, а не сдал в СД?». Понятно? Вот так.

- А этот ветеринар, он был отсюда? Из Вашей деревни?
- Нет, у нас не было евреев, это был он с Баранович. Потому что с Баранович забирали евреев всех, с Городища. С Городища, если забирали, то убивали всех там, за нашей деревней, туда, за Городище, там памятник стоит. Там даже не один памятник, там рассказывали пять могил было большевиков очень, они там убивали их, сразу везли и убивали их там.
- А откуда Вы знали, что этот ветеринар, он именно еврей был, если вы его не знали?
- А потому что я не знала, но родители говорили ж, что это еврей был.
- А он был в возрасте или он был молодой?
- Нет, не молодой, уже в возрасте он был.
- И после того, как он его побил, этот комендант, он сам лично отвел его в лагерь, или кто-то пришел за ним, или он сам пошел?
- Нет, пришел еще полицай и они удваих...
- Его не отпускали самого или только под конвоем?
- Да, под конвоем его повели туда в лагерь, и уже после этого они его не выпускали лечить. Уже там другие какие-то лечили, потому что он их обманул, деньги себе спрятал, а это ж комендант лагеря был, так он следил там за всем.
- Этот комендант, он пришел к Вам домой. Почему он пришел?
- А потому что по-соседски жил и ходил.
- Просто так захаживал, потом узнал же, что тут еврей, так что он за этим и зашел. А тут еще сосед был у другой хате, с ним дружил, так он подсказал, что тут еврей пришел лечить.
- И он пришел просто посмотреть, что творится.

- Он пришел просто посмотреть, что творится. И вот такая... Я лично это сама это видела. Ну, потом еще где-то в 42-м году я заболела серьезно, и тоже отец пошел в это СД и попросил, бо там были тоже евреи врачи очень хорошие. И попросил, чтобы разрешили туда завести меня полечить. И, правда, отвезли меня туда, уже никто не надеялся, что я буду жить, и он полечил, и дал лекарства такие хорошие, и меня привезли, вылечили.
- А откуда лекарства дали Вам?
- Ну, там, наверное, евреев, то есть у немцев снабжали лекарствами, аптеки у них были.
- Там была аптека у них в лагере?
- Ну, в лагере евреи были врачи, и им эти уже немцы доставляли лекарства.
- И Вы помните, когда вас туда завели в лагерь?
- А, як завезли, помню.
- И что Вы видели там, в этом лагере?
- А я так помню, меня везли, знаете как, с закрытыми глазами, да, потому что немцы боялись этого тифа.
- У Вас тиф был?
- У меня не был, у меня был корь. Так меня туда закрытую завезли, то я ничего не видела.
- Как, закрытую, что Вы имеете ввиду?
- Ну, на подвозе возили, и глаза закрыты. Положили и глаза закрыли.
- Так Вы ничего не видели?
- Я ничего не видела там. Меня проверили уже там и отпустили, сказали: «Можно уже глаза не закрывать».
- Когда внутри Вам глаза открыли, что первое Вы увидели? Вы были где? В кабинете, в помещении каком-то?
- Ничего не помню.

- Ничего не помните?
- Нет.
- Даже и доктора не помните?
- Даже и доктора не помню, ничего.
- И, как обратно возвращались, тоже не помните?
- Тоже не помню. Знаете, в таком тяжелом состоянии была, что привезли меня сюда домой, и доктор сказал уже им, кажа: «Ну, не известно, выживет или не выживет».
- Так что, Вы всё это знаете уже с рассказа Ваших родителей?
- Да-да. Это уже с рассказа родителей.
- А Вы когда-нибудь ходили вокруг этого лагеря? Вы помните, что он собой представляет?
- Нет. Что представлял, это моя сестра старшая знает.
- А Вы никогда не ходили?
- А я никогда не ходила. При том детей малых туда не пускали ходить никуда, не разрешали. Бо там, говорили, что под лагерь подойти нельзя, потому что тамака они не разрешали ходить. Если только там что-нибудь рабить надо или что, а так, не разрешали туда ходить. И мы не ходили туда.
- А видели ли Вы когда-нибудь, чтобы оттуда выводили людей, то есть по дороге где-то или машины какие-то?
- А они не возили. Они возили вот там, возле СД дорога была, и они туда возили, а сюда через деревню они не возили. Гэтага ничего мы не видели.
- То есть никогда?
- Да. Никогда. Я только вот помню еще один случай. Вот уже, когда немцы отступали, мы с сестрой стояли так надворку, еще сестра у меня меньша есть, у городе живе, и немец подошел ко мне и нас погладил по голове, сестру и меня. И говорит: «У меня на родине

две дочки тоже». И достал с карманчика сахар и дал нам по кусочку. Но мы боялись есть, потому что говорят же, что у немцев всё отравлено, но мать говорит: «Отравленное они в карманчике не носят, можете есть». Но в то время, знаете, сахара съесть кусочек, что значит.

- А немец с Вами по-русски говорил?
- Да. Ой, нет, не по-русски говорил, потому что он показывал, что две, два пальца показал, погладил и матери как-то сказал, что две девочки у яго, а так не по-русски говорил.
- А что-нибудь Вам известно или видели когда, что-нибудь, связанное именно с функционированием этого лагеря? Как далеко он находился от Вашего дома?
- Он не слишком далеко, полкилометра не будзе, квартала три, наверное.
- Квартала три?
- Да, но туда мы не ходили и не видели.
- А там, если полкилометра, слышны ли были какие-то звуки или выстрелы или что-то такого?
- Выстрелы слышны были, бо тамака возле лагеря, в лесу, тоже убивали, выстрелы были слышны, а криков-то не было слышно, потому что тамака, знаете, они же тюрьма там такая была смурована, там они в тюрьме держали их, и рассказывали, что тюрьма там была внизу с водою, они заполняли водою и их там мучали страшно.
- А откуда Вы знаете, что их там возле этого лагеря расстреливали?
- Ну, все знали, особенно вечером, ночью возили, все рассказывали, что возили. Они загоняли в машины и возили, расстреливали. А евреев, так они даже, знаете, что сделали, они даже не привозили с

Городища в лагерь, а сразу везли в ямы, там уже ямы повыкопвали, сразу убивали там их.

- А кого они убивали там, какое население, каких национальностей?
- Вот большую часть они убивали евреев сразу всех, всех евреев убили. А потом они уже по доносах, то кто с партизанами связаны, то еще что-нибудь, но большую часть кто с партизанами связаны. Вот у нас тут было знаете тоже, они вот убили, они были, учитель был, на краю деревни жил. И вот вечером, ночью...
- Вы помните его имя?
- Я не помню яго... ни имени, ни фамилии, но он был, знаете что, ночью этия полицаи - эсдоуцы, як их называли, эсдоуцы переоделись в партизанскую одежду, понимаете, и они пошли ночью пытать: «Покажите дорогу на СД». Подошли к одному поляку (он в конце деревни жил, потом в Польшу уехал) : «Покажи дорогу на СД». Он говорит: «Я заболел тифом, не могу встать». И не пошел показывать. Пошли они тогда у край этой деревни, где жил учитель. А той устау, оделся и пошел показывать. И они его забрали в СД и всё, не выпустили. И жинка, это было перед Пасхой как раз, и жинка стала ходить туда в СД: «Отдайте моего мужа, отдайте мужа». А на Красновяликдень, это Пасха была называется, она приготовила, это рассказывали, что она и булок напекла и всего наготовила, они с подводами приехали, забрали всё это и завезли в СД в лагерь ее с детьми туда, двое детей было. А потом, на завтра завезли под Арабовщину, это следующая деревня за нами, завезли туда и убили.
- Всю семью?
- Всю семью убили. Да.
- А кто Вам это рассказывал?

- Ну, рассказывали родители это, рассказывали, это точная правда. И они убили. И убили за того, что он показал им дорогу на СД.
- А Ваши родители откуда знали про эту историю?
- Ну, в деревне же все знали. Все говорили. Тут же в деревне не скроешь. Вот так немцы как издевались с людей.
- А Вы лично видели когда-нибудь мертвых людей где-то вообще расстрелянных или повешенных ?
- Не видела я.
- Никогда?
- Никогда. Но только я знаю, вот эта соседка наша тоже, у яе был сын, он работал связны быу нешта и немцам памагау трохи, но связны был с партизанами. И яны яго падозрели, что он был связаны с партизанами. И яны яго забрали, немцы. И яго тут у лагеры нашим мучыли и рассказвали, так мучыли яго, что этими электричными проводами по телу били, всё каб ён выказау, бо там что-то они бургомистра этого немецкого в Барановичах забрали и будто бы сказали, что это он. И вот, эта мати договорилася с врачами, с евреями, евреи были врачи, договорилася с ними, что его приведут, бо они сказали, когда приведут его, и каб яна пришла, она была там и рассказывала, что такой он был избитый весь и всё, но она побачилася, поглядела его, страшный избитый был, и назавтра его повезли в Барановичи, и в Барановичах его вот тут, где центральный парк малады у нас, раньше был там базар, и там они повесили их, пять человек, что ли повесили их там, там даже и доска где-то есть. И вот она приезжала, пешком ходила в Барановичи и приходит на утро и увидела, что он висел там. И она пошла да этого коменданта города, немецкого, просить , каб дали похоронить его. И там они написали, что доску, что за партизан, и они сказали: «Хорошо. Приезжайте хоронить, забирайте». Знаете что, назавтра они поехали

, они убрали их, всё вычистили и нигде ничего и знака не было. Вот, это тоже всё рассказывали.

- А как Вашу соседку звали?
- Ольга звали яе.
- А фамилию ее не помните?
- Её фамилия... Вот, я не помню фамилию... Не помню фамилию.
- А сына не помните, как звали?
- А сына Саша звали, Шурик.
- Шурик?
- Да, вот там даже на военкомате доска его висит, Александр, Ширко фамилия.
- Александр Ширко?
- Да. Ширко Александр, я вспомнила. Тоже его вот повесили там.
- А вот Вы сказали, что при первом случае, Вы как начали рассказывать, что ветеринар пришел к вам в 44-м, а как вы так хорошо помните год?
- А я так помню, потому что скоро война уже была , то есть закончилась, да. Як болела, так я раньше болела.
- Я хотела спросить, этот комендант , про которого Вы рассказывали, что жил поблизости от вас, как он себя вёл по отношению к другим людям, жителям вашей деревни?
- Ну, он так вёл, ну... я не скажу, не знаю толком , как он вёл себя... Но в лагере он был комендант, то ясно, что он раз комендант был лагеря, то был не ахти, а как он себя вёл, я не скажу, бо я этого уже не слышала. Знаю, что рассказывали, что опознал его один заключенный...
- После войны?
- После войны. В Польше. Опознал его. И говорили, он заявил, потому что он издевался тоже с людей.

- И его судили?
- И его судили и повесили что ли его.
- Судили здесь?
- Нет, в Польше. И там его говорили, что повесили.
- Не знаете, служили в этом СД, Вы называете их сд-совцы...
- СД.
- ...служили местные какие-то жители отсюда?
- Ну, они забирали их, с нашей деревни там, наверное, один был полицай. Забирали, некая называли «Самаахова» их.
- Как?
- «Самаахова» называли. Их силою забирали служить. Ну, у нас я не знаю...
- «Самаахова» - это отряд самообороны?
- Типа что такое.
- А кто, Вы говорите, что был из вашей деревни один?
- Один был... Я даже не знаю, как его фамилия... Даже не знаю. Я только знаю, что он был у немцев в полициях, а после войны он начал прятаться. Потом прятался, и вот в детстве я помню, сказали, что он прячется, и тут уже милиция приехала, его хотели зловить, он начал отстреливаться и потом в его устрелили. И потом я его уже видела только мёртвым.
- Вы его мёртвого видели.
- Видела.
- А где видели мёртвым?
- А он уже возле сельсовета лежал мёртвый.
- Так он прямо там отстреливался?
- Нет, его привезли уже. А так я не видела. А больше наших не было никого в СД. Это откуда-то собирались этия полицаи. Некоторые шли добровольно, а некоторые – заставляли идти. Вот так.

- Понятно. А что случилось со всеми этими заключенными, которые были в лагере, когда лагерь стали закрывать уже?
- А, когда стали закрывать, так они говорили, что капали могилки и их убивали. Да. А потом говорили, что, когда уезжали, то лагерь спалили этот они. Немцы сами спалили. А этих заключенных убивали.
- А кто Вам рассказывал про это, откуда Вы знаете?
- Ну, не знаю, кто-то говорил. Не знаю этого, я не была, не видела. Но говорили, что так было.
- В каких-то других местах, не обязательно в Вашей деревне, может быть в других деревнях, во время войны Вы что-то видели, связанное с другими людьми, с евреями, с не-евреями, как арестовывали, били?
- Нет, не видела. Я этого не видела.
- Вам не известно, из этого лагеря бывали случаи, чтобы кто-то успешно бежал?
- Ну, это я тоже слышала. Моя сестра это больше знает, про это, но слышала. Там эти готовились , подкоп зрабили. Как раз немцы какой-то гули устроили, и тамака эти евреи много утекло, они подкоп зрабили и в это время их много утекло. И одни утекли под озеро побегли, а другие побегли где-то... там сестра моя больше про это знает... а другие побегли сюда у леса, як говорят на Яроушчину. И эти, которые под озеро побегли , их большую часть половили, а тыя и поутякали. И вот, говорили, что этия врачи, которые лечили , тоже поутякали, вообще, много евреев поутякала тогда. Очень даже, да. Ну, кто-то там им же помог, давал же инструменты всякие, и они потихоньку готовились к побегу. Вот так.
- Известны ли Вам еще другие какие-то случаи про то, что случилось у Вас или с белорусами, русскими, евреями? Какие-то еще истории.

- Ну вот, этот самый Шурик, которого повесили, он носил партизанам передавать там что-то в сумках, мой брат и эти Юдик Гацураев, они пасвили коровы, так вот моему брату вот эти Шурик, як его Шура называли, дау сумку, а ён коровы гнау уже, и пагнау по дороге коровы, и сумку нёс. Коровы гонить, а сам ишоу па загумникам , каб не бачыу нихто. И улез , як прыгнали эти коровы, эти Шурик забирау сумку, и уносил партизанам, передавал что-то. Вот это рассказывали.
- Спасибо вам. Здесь остановимся.
- Пожалуйста.